

Д.И. Губина, И.А. Кобякова, Е.Н. Пронченко

**Пословицы и фразеологические единицы с орнитонимами
как отражение языковой картины мира лингвокультурных
сообществ Испании и Латинской Америки**

По мнению Е.С. Яковлевой, языковая картина мира (далее – ЯКМ) – это зафиксированная в языке и специфичная для определенного коллектива схема восприятия действительности. В ней отражаются представления об окружающем мире, свойственные менталитету определённого народа [4:9]. Средством формирования ЯКМ является язык. Народный опыт и знания прочно закрепляются в нем, передаваясь из поколения

в поколение. Поэтому ЯКМ представителей одного народа обладает определенной схожестью, которая обуславливается общностью языка и культурно-исторического опыта нации, что позволяет сформировать общую для всех национальную ЯКМ, которая обладает особой спецификой. Однако случается так, что даже ЯКМ носителей одного и того же языка могут иметь существенные различия в силу влияния культурных, исторических и географических факторов. Такое явление наблюдается в испанском языке Испании и стран Латинской Америки. Лингвокультурные особенности ЯКМ этих испаноговорящих сообществ можно выделить, проанализировав употребление орнитонимов в пословицах и фразеологических единицах испанского языка.

Одним из самых частотных орнитонимов в испанском языке является орнитоним *gallo* (петух). В представлении всех носителей испанского языка в общем он является хозяином курятника – важным, самодовольным и задиристым (*como gallo en gallinero, Cada gallo canta en su muladar, El gallo bueno canta igual en su corral que en el ajeno*), поэтому он выступает символом мужества, щегольства и храбрости (*Gallo viejo con el pico mata, El que es un buen gallo, en cualquier gallinero canta*), который, однако, славится своей плохой памятью (*tener memoria de gallo*). Пение петуха часто появляется в испанских и латиноамериканских фразеологических единицах: *en menos que canta un gallo, ir uno a escucha gallo, Este gallo que no canta algo tiene en la garganta, Otro gallo me (te, le, etc.) cantará* и др. Кроме того, пение петуха иногда сопоставляется с голосом человека: *cantarle a uno el gallo, alzar/levantar/echar el gallo*. Воинственность петуха, его самодовольство и любовь к соперничеству в испанском языке передается следующими фразеологизмами: *dar gallo, encrespase como gallo de riña, engreído como gallo de cortijo, bajar el gallo, tener mucho gallo, ser un gallo*. Пословицы и фразеологические единицы Латинской Америки обнаруживают лингвокультурную разницу в употреблении этого орнитонима и порождают новые значения. Орнитонимом *gallo* там называют силача и смельчака, а в Мексике появляется совершенно отстраненное значение этой лексемы, где *gallo* – это фальшивая нота в пении, что, по всей видимости, связано с чрезмерной певучестью петуха и надоедливостью его пения – *dar/hacer/soltar/escaparse un gallo, Hasta al mejor cantante se le sale el gallo*. Во фразеологических единицах, принадлежащих к лингвокультуре Латинской Америки, отображается также и быстрота бега петуха, где он обозначает что-то потерянное, ускользнувшее: *correr gallo, dormirse a uno el gallo*.

Другой не менее распространенный в испанском языке орнитоним – *ravo* (индюк). Следует заметить, что его частое появление в испанских

фразеологических единицах обусловлено его широким распространением в Испании и странах Латинской Америки и активным присутствием индюка в сельском обиходе. Однако во фразеологизмах и поговорках Латинской Америки индюк появляется чаще, что объясняется близостью этой территории к Северной Америке, которой эта птица обязана своим происхождением. Сам орнитоним, не входя в состав фразеологических единиц, уже несет на себе определенную коннотативную нагрузку. Так, в Латинской Америке орнитонимом *pavo* обозначают глупого, безмозглого, а также излишне спесивого человека, олуха. Интересно, что тот же самый орнитоним в женском роде в некоторых странах Латинской Америки имеет иное значение. В Аргентине, Парагвае и Уругвае он также обозначает дурачину и простофилю, а в Эквадоре приобретает значение хитрюги, плутишки. Исследовав испанские фразеологические единицы с лексемой *pavo*, мы пришли к выводу, что в их основе лежат определенные особенности этой птицы. Основная коннотация, которую имеет этот орнитоним, заключена в концепте «глупость», поэтому в Испании существует фразеологизм *ser tan pavo (pava)*, а в Латинской Америке есть еще две вариации этого орнитонима, также обозначающие отсутствие ума – *guajolote* и *guanajo*. Глупость индюка отображена в следующих, общих для рассматриваемых лингвокультурных сообществ фразеологизмах: *hacerse el pavo, ser el pavo de la, írsele a uno los pavos, echar guindas al pavo*. Кроме того, как в Испании, так и в Латинской Америке, индюк может символизировать любвеобильность, свойственную испаноязычной культуре, и обозначать ухаживания: *pelar la pava, hacerle la rosca a uno como el pavo, hacer la pava*. Интересно, что в Мексике значение фразеологизма *pelar la pava* не имеет ничего общего с любовными отношениями. Там это выражение обозначает терять время попусту, бездельничать. В Испании существуют фразеологизмы, где индюк обретает новое значение и становится символом неудачи, провала: *pasar una pava ciriaca, tener pava*. Другие общие для всех лингвокультурных сообществ коннотации этого орнитонима представлены следующими качествами: индюк много и жадно ест, так как его беспрерывно откармливают (*atracarse a lo pavo, cebarse a lo pavo, tragarse entero como los pavos*), он жирный (*estar hecho un pavo, hecho un pavo de gordo*), его кожа краснеет, когда индюк испуган, взволнован или болен (*subirsele a uno el pavo, ponerse más colorado que un pavo, ser rojo como un pavo*), он является существом ленивым, флегматичным, хвастливым и надоедливым (*ser uno más pesado que un pavo, sangre de pavo, hincharse/inflarse como un pavo, ser orgulloso como un pavo*).

Следует заметить, что для многих зооморфизмов, следовательно, и для орнитонимов в том числе, характерно образование от существи-

тельного-орнитонима таких частей речи, как прилагательное и глагол. Как отмечает С.В. Свионтковская, «в испанском языке для образной характеристики человека используются прилагательные, образованные от имён существительных-зооморфизмов путём суффиксации» [1:117]. Например, *pavisoso* – глупый. Второй частью речи, образованной в нашем случае от существительного-орнитонима, является глагол. К примеру, в Латинской Америке существует глагол *pavear*, который имеет различные значения, варьирующиеся в зависимости от страны, где его употребляют, и отражающие всю гамму коннотаций орнитонима *pavo*. Так, в Аргентине, Парагвае и Уругвае *pavear* значит делать/говорить глупости, в Чили – насмеяться над кем-либо, в Эквадоре – прогуливать уроки и, наконец, в Пуэрто-Рико – сачковать, филонить.

Следующим орнитонимом, наглядно демонстрирующим лингвокультурные отличия сообществ Испании и Латинской Америки, является *pato* (утка). Одной из самых распространенных коннотаций *pato* выступает глупость, что прослеживается в следующих примерах: *ser el pato de la boda (de la fiesta)*, *hacerse pato*. Непосредственно в Испании также употребляют глагол *patochear*, который обозначает нести чепуху, говорить глупости, и существует образованное от него существительное *patochada* – чушь, глупость, несуразица. Также утка является символом боязливости и трусости: *mirar como pato al arreador*. В лингвокультуре Латинской Америки этот орнитоним в качестве самостоятельной лексической единицы обозначает нерешительного, колеблющегося человека, не имеющего собственного мнения, в некоторых странах это – неосторожный, опрометчивый, неблагоразумный человек, а в других – не имеющий ни гроша за душой, что отражается и во фразеологизмах: *andar pato/estar pato*. Интересно, что на Кубе этот орнитоним используется для наименования гомосексуалистов. Существует также прилагательное *patoso*, которое также имеет несколько негативных коннотаций и обозначает «неуклюжий, нелепый». То же значение присутствует и в некоторых фразеологизмах, например *parecer/ser un pato (mareado)*.

В испанском языке есть несколько родственных диких птиц, которых условно объединяют в одну группу и называют *aves de mal agüero* – птицы-вестники несчастья. Они также образуют множество фразеологических единиц с различными значениями, представляющими интерес для данного исследования. Самыми частотными из них являются *lechuzas /coruja* (сова), *mochuelo* (сыч) и *buho* (филин). Как в испанской, так и в латиноамериканской культуре, эти птицы имеют отрицательные характеристики. Это объясняется особенностями поведения этих пернатых, а также их физиологическими характеристиками. Все эти особенности привели к появлению различных символических значений,

приписываемых этим пернатым, которые нашли своё отражение во всех культурах мира, в частности и в культурах Испании и стран Латинской Америки. К примеру, для ацтеков, живших на территории современной Мексики, *lechuza* (сова) являлась демоническим созданием, а ее появление – предзнаменованием беды. В материалах, полученных при исследовании захоронений в Перу, относящихся к доинкской эпохе, сова встречается на священных рисунках, связанных с загробным миром. В народной культуре одного из регионов Аргентины зловещее божество *Sachigú* изображается в виде огромной зловещей совы. В Испании филины, совы и сычи считались спутниками ведьм и колдунов, а также предвестниками ненастья. Их уханье в ясный и солнечный день непременно влекло за собой бурю, часто крик совы являлся предвещанием грозы с градом, поэтому в испанской народной культуре сохранилась поговорка: *Si la lechuza por la tarde canta, prevén la manta*. Во многих фразеологических единицах испанского языка Испании орнитоним сова – *lechuza/coruja* – появляется во фразеологизмах, пословицах и поговорках, связанных с маслом, применяемым когда-то в осветительных лампах, создавая сове ложный образ любительницы этого продукта. Корни этих фразеологизмов и паремий восходят к церковной тематике. Согласно поверьям, совы появлялись ночью в церквях, облачённые в вороньи перья, для того чтобы поговорить с душами умерших, и именно они выпивали масло из ламп, стоящих в спальнях священников. На самом деле, сов привлекало вовсе не само масло, а свет лампы и моль, которая кружила вокруг неё и могла стать легкой добычей ночной охотницы. Но логичное объяснение не предотвратило появление множества фразеологизмов и паремий, связанных с жадной любовью совы к маслу: *acudir como las lechuzas al aceite, chupar aceite como las lechuzas, explotar como lechuzas al aceite*. В некоторых из паремий проводится параллель между совой и нечестивой монахиней: *La lechuza aceitosa y la sacristana se tapan con la misma campana, Donde hay coruja aceitona hay sacristana ladróna*. Также испанцы высмеивают и внешний вид этой птицы, отмечая в своих фразеологизмах, что она уродлива и имеет огромные глаза: *ser más feo que una lechuza, ojos de lechuza, tener los ojos abiertos como una, cara de lechuza*. В Латинской Америке данный орнитоним приобретает еще одну коннотацию: *ser una lechuza* в Мексике значит «быть девушкой легкого поведения».

Другой орнитоним из этой же группы – *mochuelo* (сыч) – образует достаточное количество фразеологизмов и паремий, которые подчеркивают излюбленное место обитания данной птицы – оливковые деревья. Самой распространённой поговоркой с данным орнитонимом является испанская *Cada mochuelo a su olivo*. Интересно, что данная паремия име-

ет несколько значений. В зависимости от контекста, *Cada mochuelo a su olivo* может означать «Пора расходиться» или же «Каждый должен быть на своем месте». Другая фразеологическая единица – *ser un mochuelo* – также имеет два значения, которые, однако, варьируются в зависимости от географического фактора. Так, в Испании *ser un mochuelo* означает «быть некрасивым», а в Венесуэле, к примеру, «быть нелюдимым, необщительным». В испанской лингвокультуре сыч также является символом несчастья, неудачи: *Mochuelo a principio de cazadero, mal agüero*. Неприятный и устрашающий крик сыча, являющийся предвестником плохой погоды, также лег в основу некоторых фразеологических единиц: *Cuando chilla el mochuelo, pronto se moja el suelo*. Однако самой частотной и общей для Испании и Латинской Америки коннотацией орнитонима *mochuelo* является та, где он выступает в роли чего-то трудного, сложной работы: *tocarle a uno el mochuelo, cargar con el mochuelo, echarle a uno el mochuelo, ¡vaya mochuelo que me ha caído!, sacudirse el mochuelo*.

Еще одной птицей, считающейся спутницей беды и имеющей негативную коннотацию в лингвокультуре как Испании, так и Латинской Америки, является *cuervo* (ворон). Его образ приобретает негативную окраску в первую очередь из-за его любви к падали и непосредственной близости к смерти и всему, что с ней связано. Это рождает значительное число фразеологизмов и паремий, принадлежащих испанской лингвокультуре: *Al cuervo no agrada el asno vivo sino muerto, Clérigos y cuervos, huélganse con los muertos!, Donde hay burro muerto, no faltan cuervos*. Чёрный цвет этой птицы также не остается без внимания: *estar enlutados como cuervos*, *No puede ser el cuervo más negro que las alas*. Алчная и предательская природа ворона передаётся следующими испанскими поговорками: *Cría cuervos y te sacarán los, Cual el cuervo, tal su huevo*. В Аргентине орнитонимом *cuervo* называют непорядочного священника, по всей видимости, проводя аналогию с черными одеждами священнослужителей и черным оперением данной птицы, а также подчёркивая коварную сущность ворона.

Негативные ассоциации возникают и с другой ночной птицей, филином – *buhó*, чье пение всегда рассматривалось как дурное предзнаменование. Однако этот орнитоним образует совсем небольшое количество фразеологических единиц, больше фигурируя в литературе, народных сказаниях и легендах. Нам удалось найти и проанализировать одну пословицу, имеющую в своем составе орнитоним *buhó*. Так, в Латинской Америке считалось, что, если филин пропоёт возле чьего-то дома, кого-то из жильцов ожидает тяжёлая болезнь или смерть: *Cuando el buho canta, el indio muere*.

Интересен, на наш взгляд, орнитоним *pitirre* (питирре), фразеоло-

гизмы с которым являются лакунарными для испанского языка Испании, так как ареал обитания этой птицы включает в себя территории юго-востока Соединённых Штатов Америки, Антильских островов, Панамы и севера Южной Америки. В Латинской Америке орнитонимом *pitirre* называют чересчур настойчивого и упрямого человека. Такое определение появилось благодаря поведению этой птицы, которая ведёт себя очень агрессивно, особенно в период появления птенцов, и, несмотря на свой незначительный размер, способна своим напором и непреклонностью отогнать от своего гнезда даже самых крупных птиц. Подобные особенности поведения питирре ярко выражены в кубинской пословице *Cada guaraguao tiene su pitirre* – Каждый плохой человек будет кем-то наказан, где питирре противопоставляется *guaraguao* – сарычу, крупной хищной птице. К другим особенностям данной птицы относят пение на рассвете, что приводит к появлению еще одной фразеологической единицы: *al canto del pitirre* – чуть свет, с первыми петухами, широко распространённой на Кубе, в Пуэрто-Рико и Доминикане.

Рассмотренные в данной статье орнитонимы являются наглядным примером отражения особенностей ЯКМ разных лингвокультурных сообществ. Несмотря на единство языка и общность некоторых культурных и исторических явлений даже такие редко употребляемые лексические единицы, как орнитонимы, при углубленном анализе обнаруживают существенную разницу мировосприятия жителей Испании и стран Латинской Америки.

Библиографический список

1. Свионтковская С.В. О внутрилингвистическом компоненте семантической структуры зооморфизмов в испанском, английском и русском языках // Актуализация лингвистических единиц различных уровней: сб. науч. трудов. Пятигорск: ПГЛУ, 1995. С. 116-125.
2. Семенцова Н.В. Национально-культурная специфика как проявление лингвокультурологических особенностей испанских фразеологических единиц с компонентом-этнонимом // Наука и образование в социокультурном пространстве современного общества. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2016. С. 136-137.
3. Потапенко А.С. Отражение национальных стереотипов в испанской фразеологии // Университетские чтения. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ-2005. Часть II. Пятигорск, 2005. С. 95-97.
4. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.